

УДК 343.322

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фомин А. А.

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Статья посвящена вопросам применения репрессий в отношении членов семей изменников Родине в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа архивных учетных дел в отношении граждан, репрессированных в силу родства с лицами, признанными виновными в совершении измены Родине в годы войны, автором выделены отдельные особенности практики применения репрессий и реабилитационной работы в контексте нормативной регламентации рассматриваемого института ответственности и с учетом изученных фактических оснований репрессирования. По результатам проведенного исследования автором обосновано теоретическое и практическое значение изучения исторического опыта правового регулирования и применения рассматриваемого вида репрессий, а также практики уголовного преследования лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, измена Родине, изменники Родине, коллаборационисты, ответственность членов семей изменников Родине, применение репрессий, ссылка, конфискация имущества, Особое совещание при НКВД СССР, реабилитация.

Целевое толкование соответствующих норм, составлявших в годы Великой Отечественной войны институт ответственности членов семей изменников Родине, учитывающее политико-идеологические установки руководства советского государства в военный период, позволяет оценивать его в качестве элемента превентивного характера системы мер государственно-правового противодействия коллаборационизму. Его основы были заложены в довоенный период путем установления возможности объективного вменения уголовной ответственности в отношении родственников отдельных категорий изменников Родине. В условиях военного периода он получил широкое нормативное развитие в направлении существенного ужесточения репрессивных мер и расширения оснований их применения [1].

Советским правом не использовался термин «коллаборационист». Наиболее распространенной юридической характеристикой проявлений коллаборационизма являлось отнесение подобной деятельности к измене Родине, т. е. уголовно-правовая квалификация по статьям 58-1 «а» и 58-1 «б» УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик («Измена Родине» и «Измена Родине, совершенная военнослужащим») [2, с. 64–65]. При этом в годы войны был принят ряд чрезвычайных актов, направленных на обеспечение строжайшей дисциплины на фронте и недопущение возможности коллаборации советских военнослужащих с противником. Они нормативно закрепляли новые формы измены Родине, что не противоречило уголовному законодательству, допускавшему возможность отнесения к ней широкого спектра деяний (действия командиров, комиссаров и политработников, самовольно отступивших с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров; сдача в плен без сопротивления; дезертирство, в том числе сопряженное с бандитизмом, вооруженным грабежом и контрреволюционной повстанческой работой) [3].

С 19 апреля 1943 г. советские граждане из числа отдельной категории пособников оккупантов формально не рассматривались в качестве субъектов измены Родине как преступления, предусмотренного ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик. При этом в отношении них применялся нормативно установленный термин «изменники Родине», а их деяния подлежали квалификации в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее — Указ от 19 апреля 1943 г.) [4, с. 43].

9 ноября 1943 г. начальник Главного управления военных трибуналов Народного комиссариата юстиции СССР (далее — ГУВТ НКЮ СССР) подписал директиву, согласно которой дела на лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных Указом от 19 апреля 1943 г., или по ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик, должны представляться в ГУВТ НКЮ СССР в тех случаях, когда семьи этих лиц подлежат репрессированию, то есть в случаях осуждения к смертной казни — повешению или расстрелу, и после утверждения и исполнения приговора. При осуждении на каторжные работы либо на лишение свободы, а равно в случаях замены смертной казни другими мерами наказания дела должны направляться на архивное хранение и в ГУВТ НКЮ СССР их представлять не следует [5, с. 532].

Следует отметить, что помимо указанного ведомственного акта, предусматривающего в качестве основания для репрессирования осуждение лица по Указу от 19 апреля 1943 г. к смертной казни через повешение, автору не удалось отыскать иных правовых документов, закреплявших данное основание применения репрессий. Однако наличие подобной директивы прямо свидетельствует о включении пособничества оккупантам, предусмотренного Указом от 19 апреля 1943 г., в перечень деяний, влекущих репрессии в отношении членов семей коллаборационистов. На это указывает и практика их применения, нашедшая отражение в архивных источниках. Так, например, решением Особого совещания при НКВД СССР от 14 октября 1944 г. жительница г. Свердловска С. вместе с тремя малолетними детьми была направлена в ссылку в Тюменскую область на срок 5 лет, а ее имущество было конфисковано [6]. Ее муж, бывший советский военнослужащий, за службу в немецкой армии был осужден 17 августа 1943 г. военно-полевым судом 58 стрелковой дивизии к повешению по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. [7].

Недостатки юридической техники построения и неконкретизированный характер ряда норм, предусматривавших основания и порядок применения репрессий, создавали условия для их большего усиления в силу отсутствия единообразного подхода к толкованию и правоприменению. В частности, на практике имели место случаи репрессирования неродных родителей изменников в условиях нормативного закрепления необходимости репрессирования отца и матери наряду с иными родственниками лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине. Так, 11 ноября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена мачеха бывшего красноармейца, осужденного за подготовку к переходу на сторону противнику по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР и расстрелянного 3 мая 1942 г.

по приговору военного трибунала 381 стрелковой дивизии [8]. Также известен случай, когда решением Особого совещания при НКВД в ссылку Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет был направлен отчим изменника Родине вместе с двумя совершеннолетними сестрами и матерью изменника, с которой также следовало шесть несовершеннолетних детей [9].

Вместе с тем в практике встречались и случаи, когда усмотрение правоприменителя смягчало репрессивный подход. Так, 20 ноября 1941 г. военным трибуналом 30-й армии к расстрелу по ст. 58-1 «а» УК РСФСР был осужден гражданин Г., который был завербован немецкой разведкой, а затем переброшен на территорию дислокации частей Красной Армии, где выполнял задания врага по сбору о них сведений, подрыву складов с боеприпасами и агитации красноармейцев о переходе на сторону противника [10]. Согласно заключению следственного отдела УНКВД СССР по Свердловской области от 5 мая 1943 г., его супруга К. в соответствии с нормативными требованиями подлежала репрессированию. Однако заключением 1-го Спецотдела НКВД СССР от 31 мая 1943 г., утвержденным заместителем наркома госбезопасности Б.З. Кобуловым, было принято решение «ссылку к К. не применять», так как она «прожила с изменником Родине Г. всего лишь около 2-х недель» [11]. При том, что каких-либо оговорок о минимальной продолжительности пребывания в браке, достаточной для репрессирования, нормативные правовые акты не предусматривали. Аналогичное решение было принято и в отношении гражданки Ш., муж которой был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР, и расстрелян по решению Особого совещания при НКВД СССР от 4 ноября 1942 г. Учетное дело в отношении Ш. было прекращено в связи с тем, что она проживала с ним в зарегистрированном браке «всего 3 месяца» [12]. Свидетельство о заключении брака и (или) соответствующая справка из органов ЗАГС не являлись обязательными документами при формировании учетных дел в отношении жен изменников Родине. Факт родства, в том числе иных родственников, первоначально устанавливался исходя из показаний самого изменника и иных лиц, а впоследствии подтверждался справкой местных административных органов и иными материалами дела. В связи с этим на практике репрессии применялись и в отношении женщин, не состоявших в официальном браке, в том числе в случаях, когда об этом было известно правоприменителю.

Так, 22 августа 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Кустанайскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена В., муж которой, бывший красноармеец, сдался в плен к немцам, а впоследствии был завербован немецкой разведкой (приговором военного трибунала Ленинградского фронта от 21 апреля 1942 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР) [13]. Согласно заключению УНКВД СССР по Свердловской о необходимости репрессирования его жены, она не состояла в зарегистрированном браке с изменником [14].

В феврале 1943 г. дезертировал красноармеец З. — муж гражданки А. Затем он скрывался в лесах и занимался грабежом местных жителей. В апреле и мае 1943 г. он совершил разбойные нападения на 2-х колхозниц, ударив их металлическим прутом по голове и отобрав у них продукты (приговором военного трибунала Калининского фронта от 1 июля 1943 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР) [15]. Согласно заключению УНКГБ СССР по Свердловской о необходимости

сти не применять репрессию в отношении его жены, в качестве основания освобождения от ответственности указывалось «наличие у нее ребенка, не являющегося родным изменнику», несмотря на отсутствия нормативного закрепления такой возможности. В этом же документе указывалось и на отсутствие факта регистрации брака, которое, однако, по мнению сотрудников органов госбезопасности, препятствием для репрессирования не являлось. Несмотря на приведенные доводы, решением Особого совещания от 12 февраля 1944 г. А. была направлена в ссылку в Омскую область на 5 лет [16].

Вместе с тем пробел в правовом регулировании по данному вопросу приводил и к ситуациям, когда органы госбезопасности не применяли репрессии в отношении женщин, не состоявших в официальном браке с изменниками. Так, 2 марта 1943 г. военный трибунал войск НКВД СССР по охране тыла Северо-Кавказского фронта по ст. 58-1 «б» УК РСФСР приговорил к расстрелу 3-х бывших советских военнослужащих, которые, находясь в немецком плену, были завербованы, обучены, снаряжены радиостанциями и всем необходимым и оставлены в г. Георгиевске для последующего ведения шпионской работы при занятии города частями Красной Армии [17]. В отношении жены одного из изменников 15 марта 1945 г. НКГБ СССР принял решение о неприменении репрессий, указав в заключении в качестве одного из оснований этого отсутствие официальной регистрации брака.

Несмотря на то, что репрессии были направлены на совершеннолетних лиц, фактически им подвергались и их несовершеннолетние дети, которые должны были следовать к месту ссылки совместно с родителями. В соответствии с Инструкцией, объявленной приказом НКВД СССР от 10 декабря 1940 года, действовавшей и в годы войны, несовершеннолетние дети репрессированных не подлежали помещению в тюрьму, и до отправки в ссылку для их содержания следовало выделять специальное помещение [18, с. 203-204].

Однако на практике данное правило соблюдалось не всегда. Так, 2 октября 1942 г. военный трибунал 68 морской стрелковой бригады осудил по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР за покушение на измену Родине и приговорил к расстрелу красноармейца З., который 17 сентября 1942 г., договорившись со своим сослуживцем о переходе к противнику, бросил в лесу оружие и боеприпасы и направился к передовой линии обороны, но был задержан советскими бойцами [19]. Совершеннолетняя дочь и супруга осужденного вместе с двумя малолетними сыновьями красноармейца решением Особого совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1943 г. направлены в ссылку в Омскую область на 5 лет с конфискацией имущества [20]. Репрессированная дочь, 1925 г. рождения, в своем обращении к Сталину с просьбой о помиловании ее и членов ее семьи, указывала, что перед тем, как они прибыли к месту пребывания в ссылке, их «посадили в пересылочную тюрьму г. Свердловска, где они просидели 4 дня, затем направили в омскую тюрьму, где они просидели 4 месяца и не могли понять, или же им вольная ссылка назначена, или же тюремное заключение, сидели всей семьей — мама, она, братишка 10-ти лет и братишка 4-х лет» [21].

Репрессивную сущность рассматриваемого института усиливала практика вынесения неправосудных решений в отношении лиц, в действительности не причастных к какой-либо изменнической деятельности, являвшихся основанием для применения мер ответственности в отношении членов семей изменников Родине.

Так, гражданка С. 16 декабря 1941 г. как член семьи изменника была арестована, а 28 февраля 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР гражданка С. была направлена в ссылку в Красноярский край на 5 лет (с исчислением срока с даты ареста). Ее муж, бывший красноармеец, был осужден 5 ноября 1941 г. военным трибуналом 90 Краснознаменной стрелковой дивизии ленинградской группы войск Ленинградского фронта за измену Родине ст. 58-1 «б» УК РСФСР и заочно приговорен к расстрелу. Согласно приговору, он 16 октября 1941 г. перешел на сторону врага, оставив в своем окопе винтовку и патроны [22]. 4 февраля 1946 г. Военная коллегия Верховного суда СССР (далее — Военная коллегия) отменила данный приговор и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указав, что из материалов дела нельзя установить, что красноармеец С. действительно изменил Родине и перешел на сторону врага: приговор военного трибунала построен на предположениях; никто из свидетелей лично не видел, когда и при каких обстоятельствах С. покинул окоп, в котором он находился; в деле нет никаких других доказательств, хотя бы косвенно свидетельствующих о его переходе на сторону противника. Протоколом Особого совещания при МГБ СССР от 18 декабря 1946 г. решение о репрессировании было отменено [23] (спустя более 10 месяцев после отмены приговора и 2-х дней после истечения срока ссылки). При отсутствии судебного приговора или решения Особого совещания о привлечении к ответственности изменника Родине для заведения учетного дела в отношении членов его семьи достаточно было наличие документа командования воинских соединений, сельсовета, райисполкома или горсовета, прокурора, местного НКВД или Особого отдела соответствующего воинского соединения о факте расстрела изменника с приложением свидетельских показаний, подтверждающих его деятельность.

Так, 30 апреля 1943 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества жительница г. Нижний Тагил Н. Поводом для репрессирования послужило постановление следователя особого отдела НКВД 34 армии от 12 декабря 1942 г. о прекращении следственного дела в связи с расстрелом красноармейцев, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР. Согласно постановлению, муж Н., бывший красноармеец 161 отдельной стрелковой бригады Н., 26 октября 1942 г. и красноармейцы М. и П., будучи часовыми на посту переднего края обороны, по общему сговору, пытались перейти на сторону противника, но снайперским огнем красноармейца Д. были расстреляны, что подтверждается показаниями других красноармейцев [24].

2 декабря 1960 г. Н. обратилась к прокурору Уральского военного округа с заявлением о реабилитации, в котором указала, что ее муж оказался жив и вернулся домой в г. Нижний Тагил, где они проживали до его смерти в 1955 г. [25]. В ходе проверки по факту обращения гражданки Н. последняя показала, что ее муж Н. был призван в Красную Армию в июне 1941 г., вернулся домой в 1948 г., где они встретились с женой после ее возвращения из ссылки. Затем он продолжил работать на Высокогорском руднике, а в 1955 г. умер. Н. говорил супруге, что «он ни в чем не виноват, что он не арестовывался», о своем пребывании на фронте ничего не рассказывал, а она его ни о чем не спрашивала. Предложение жены обратиться по поводу возврата конфискованного имущества Н. отклонил, пояснив, что «в войну людей много пострадало, а они наживут» [26].

В ходе проведенной проверки также было установлено, что один из якобы расстрелянных красноармейцев М. был арестован после войны и осужден 10 декабря 1947 г. по ст. 58-1 «б» УК РСФСР военным трибуналом Горьковского гарнизона к 25 годам лишения свободы за переход на сторону врага совместно с указанными красноармейцами (Н и П.) при указанных обстоятельствах. Определением Военной коллегии от 28 марта 1956 г. наказание осужденному было снижено до 10 лет лишения свободы. М. подтвердил наличие сговора между ними и сам факт перехода, пояснив, что при подходе к проволочному заграждению немцев по ним был открыт пулеметный огонь со стороны подразделений Красной Армии, а он потерял сознания от разрыва мины. О дальнейшей судьбе Н. и П. ему ничего не известно, сам же он после излечения находился в лагерях для военнопленных, затем в рабочей части немецкой армии, а в мае 1945 г. был захвачен советскими войсками [27].

Согласно материалам архивного проверочно-фильтрационного дела в отношении мужа репрессированной Н., он 9 мая 1945 г. в составе группы из 70 военнопленных, входившей во вспомогательное (трудовое) формирование, обеспечивающие нужды немецкой армии (компания № 512/2), был репатрирован и направлен для проведения фильтрации в Восточный ИТЛ МВД СССР (г. Совгань Приморского края), где пребывал до момента освобождения, т. е. до 6 августа 1946 года. Согласно показаниям Н., он 25 октября 1942 г. в ходе выполнения боевого задания был пленен 6-ю нападшими на него немецкими солдатами. В плену он, находясь под охраной в лагерях военнопленных, а с 10 мая 1944 г. — в указанном формировании, привлекался к выполнению различных хозяйственных работ [28].

23 июня 1961 г. определением военного трибунала Уральского военного округа постановление Особого совещания при НКВД СССР о репрессировании Н. было отменено в связи с отсутствием состава преступления. В качестве основного довода своего решения трибунал указал отсутствие доказательств, подтверждающих факт измены Родине со стороны ее мужа, а в качестве его обоснования были использованы исключительно ее показания. При этом, как следует из содержания приговора, обстоятельства, изложенные в документах проверочно-фильтрационного дела, а также в приговоре военного трибунала Горьковского гарнизона и иных материалах проверки, проведенной по обращению репрессированной Н., не стали предметом рассмотрения и оценки военного трибунала Уральского военного округа [29].

В отличие от приведенных примеров, когда решения об отмене репрессий принимались уже после их реализации, на практике встречались и случаи, когда они не были исполнены в полном объеме и даже не применялись вовсе в силу отмены решений в отношении лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине.

Так, 11 июня 1942 г. приговором военного трибунала Уральского военного округа была направлена в ссылку на 5 лет Я., жена бывшего красноармейца, осужденного заочно к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 24 ноября 1941 г. военным трибуналом 339 стрелковой дивизии [30]. Определением Военной коллегии от 19 января 1944 г. приговор военного трибунала был отменен как необоснованный, а затем Военной коллегией понадобилось еще полгода для того, чтобы 11 июня 1944 г. принять решение об отмене приговора и в отношении жены незаконно осужденного красноармейца [31].

30 сентября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с

конфискацией имущества В., муж которой был заочно приговорен к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 8 февраля 1942 г. военным трибуналом 55 армии. 3 января 1944 г. этот приговор был отменен Военной коллегией, а дело было направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия в связи с «недостаточной полнотой расследования по делу» и отсутствием «бесспорных доказательств» факта перехода осужденного на сторону противника [32]. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 11 марта 1944 г. постановление о ссылке В. было отменено [33]. При этом ни в данном решении, ни в иных материалах учетного дела не упоминалось о необходимости возврата либо фактическом возврате В. ранее конфискованного имущества (дома, амбара, конюшни, сарая, козы и 4-х гусей).

3 марта 1942 г. в Управление НКВД СССР по Свердловской области поступила копия приговора военного трибунала Северо-Западного фронта от 9 декабря 1941 г. в отношении капитана Красной Армии Л. для репрессирования членов его семьи. Л. был осужден заочно по ст. 58-1 «б» УК РСФСР за то, что, в июле 1941 г., находясь в составе 84 стрелковой дивизии, попал в окружение противника, дезертировал и остался на территории занятой противником [34]. В ходе мер в рамках учетного дела в отношении его жены выяснилось, что она продолжает получать от него письма, приходящие из штаба одной из армий. В результате последующего неоднократного направления учетного дела в 1-ый Спецотдел НКВД СССР для перепроверки факта измены Родине 30 декабря 1942 г. было установлено, что приговор в отношении капитана Л. был отменен и дело в отношении него было прекращено Военной коллегией 14 декабря 1942 г. Учетное дело в отношении жены Л. было прекращено лишь 9 апреля 1943 года [35]. Таким образом, несмотря на то, что для установления наличия основания репрессирования потребовалось более года, в приведенном примере письма с фронта послужили поводом для дополнительной проверки факта измены Родине и недопущения безосновательного применения репрессий.

По статистическим данным органов госбезопасности, общее число репрессированных членов семей изменников Родине в период с 1942 г. (первый год учета данной категории) по 1952 г. составило 40 056 чел. [36, с. 427]. Однако сопоставление этих данных с количеством лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, а также имеющимися сведениями о масштабе фактических репрессий в отношении членов семей изменников позволяет поставить под сомнение объективность приведенного показателя. С 1941–1945 гг. за измену Родине привлечено к ответственности 243 627 чел., а только в 1946 г. — 39 247 чел. (в этом же году, согласно официальной статистики, было репрессировано лишь 396 членов их семей) [36, с. 427]. Только в ходе одной операции по выселению членов семей украинских националистов, проведенной в октябре 1947 г., было выселено 26 644 семей в составе 77 806 чел. [37, с. 85].

Несмотря на уже проведенную масштабную работу по реабилитации членов семей изменников, исследование практики применения к ним репрессий имеет важное теоретическое и практическое значение. Анализ архивных учетных дел реабилитированных советских граждан, репрессированных в силу родства, позволяет восполнить имеющиеся пробелы историко-правовой науки в отношении не только особенностей регламентации, толкования и правоприменения в рассматриваемой сфере, но и практики уголовного преследования лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, за преступления, действительно ими совершенные либо необоснованно им вмененные. В связи с этим соответствующие архивные материалы могут быть

поводом и источниковой основой как для проведения дополнительной работы по восстановлению прав реабилитированных родственников и по реабилитации лиц, незаконно привлеченных к ответственности в качестве изменников Родине, так и для установления, изучения и оценки обстоятельств действительно совершенных преступлений.

Список литературы:

1. Об этом подробнее см.: Фомин А.А. Институт ответственности членов семей коллаборационистов в советском законодательстве в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2016. № 16. С. 50–55.
2. Трайнин А.Н., Меньшагин В.Д., Вышинская З.А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. 2-е издание. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. 340 с.
3. Об этом подробнее см.: Фомин А.А. Эволюция правового подхода к оценке деятельности коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 23–40. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20220.html.
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика : Верховный Совет Российской Федерации, 1993. 223 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 4. Кн. 2: Великий перелом (1 июля – 31 декабря 1943 г.). М. : Русь, 2008. 816 с.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее — ГААОСО). Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 56004. Л. 48.
7. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп.2. Д. 56004. Л. 5–5об.
8. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 61475. Л. 1-2, 12.
9. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 59054. Л. 16–17.
10. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12342. Л. 7–7об.
11. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2 Д. 12342. Л. 21–22.
12. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2 Д. 12539. Л. 20.
13. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 57115. Л. 2, 24.
14. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 57115. Л. 7.
15. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 58510. Л. 4.
16. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 58510. Л. 28, 30.
17. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12826. Л. 2.
18. Лубянка: Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М. : МФД : Материк, 2006. 640 с.
19. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 4.
20. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 23.
21. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 27.
22. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 17598. Л. 16, 12–12об.
23. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 17598. Л. 16, 21, 24.
24. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 3, 9.
25. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 12–13.
26. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 16–22.
27. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 25–28.
28. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12869. Л. 4–7, 9, 13.
29. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 37.
30. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 36413. Л. 18, 32.
31. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 36413. Л. 51–52, 55.
32. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 18.
33. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 27.
34. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12279. Л. 2.
35. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12279. Л. 12–15, 35об, 43.
36. Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.) : статистический справочник. М. : ТД Алгоритм, 2016. 448 с.
37. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 438 с.

Fomin A. A. On the question of the practice of repression in relation to families members of traitors to the homeland during the great patriotic war // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – Р. 361 - 369.

The article is devoted to the use of repression against family members of traitors to the Motherland during the Great Patriotic war. Based on the analysis of archival records of citizens repressed by virtue of kinship with persons found guilty of committing treason during the war, the author highlights certain features of the practice of applying repression and rehabilitation work in the context of the regulatory regulation of the institution of responsibility under consideration and taking into account the studied factual grounds of repression. Based on the results of the study, the author substantiates the theoretical and practical significance of studying the historical experience of legal regulation and application of the type of repression under consideration, as well as the practice of criminal prosecution of persons held accountable for treason during the war period.

Keywords: the Great Patriotic war, treason to the Motherland, traitors to the Motherland, collaborators, responsibility of family members of traitors to the Motherland, use of repression, exile, confiscation of property, Special Meeting at the NKVD of the USSR, rehabilitation.

Spisok literatury:

1. Ob etom podrobnее sm.: Fomin A.A. Institut otvetstvennosti chlenov semej kollaboracionistov v sovetskom zakonodatel'stve v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoriya gosudarstva i prava. 2016. № 16. S. 50–55.
2. Trajnin A.N., Men'shagin V.D., Vyshinskaya Ž.A. Uголовnyj kodeks RSFSR. Kommentarij / pod red. I.T. Golyakova. 2-e izdanie. M. : Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1946. 340 s.
3. Ob etom podrobnее sm.: Fomin A.A. Evolyuciya pravovogo podhoda k ocenke deyatel'nosti kollaboracionistov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj resurs] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 23–40. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20220.html.
4. Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressiyah i rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij. M. : Respublika : Verhovnyj Sovet Rossijskoj Federacii, 1993. 223 s.
5. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne : sbornik dokumentov. T. 4. Kn. 2: Velikij perelom (1 iyulya – 31 dekabrya 1943 g.). M. : Rus', 2008. 816 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv administrativnyh organov Sverdlovskoj oblasti (dalee — GAAOSO). F. R–1. Op. 2. D. 56004. L. 48.
7. GAAOSO. F. R–1. Op.2. D. 56004. L. 5–5ob.
8. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 61475. L. 1-2, 12.
9. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 59054. L. 16–17.
10. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12342. L. 7–7ob.
11. GAAOSO. F. R–1. Op. 2 D. 12342. L. 21–22.
12. GAAOSO. F. R–1. Op. 2 D. 12539. L. 20.
13. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 57115. L. 2, 24.
14. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 57115. L. 7.
15. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 58510. L. 4.
16. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 58510. L. 28, 30.
17. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12826. L. 2.
18. Lubyanka: Stalin i NKVD–NKGB–GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946: Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti / pod obshch. red. A.N. Yakovleva; sost. V.N. Haustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M. : MFD : Materik, 2006. 640 s.
19. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 4.
20. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 23.
21. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 27.
22. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 17598. L. 16, 12–12ob.
23. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 17598. L. 16, 21, 24.
24. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 3, 9.
25. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 12–13.
26. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 16–22.
27. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 25–28.
28. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12869. L. 4–7, 9, 13.
29. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 37.
30. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 36413. L. 18, 32.
31. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 36413. L. 51–52, 55.
32. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 42554. L. 18.
33. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 42554. L. 27.
34. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12279. L. 2.
35. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12279. L. 12–15, 35ob, 43.
36. Mozohin O.B. Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953 gg.) : statisticheskij spravochnik. M. : TD Algoritm, 2016. 448 s.
37. Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-ekonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty. M. : Nauka, 2006. 438 s.